

Почему розовый куст обзавелся шипами.

Красивъ розовый кустъ въ саду. Но эти ужасные шипы! они часто колятся до крови, когда хочешь сорвать бутонъ. „Ахъ, этотъ злой кустъ!“ перѣдко восклицала ты, Макса, когда тебѣ случилось уколоться и ты била его камышевой тросточкой. Но не говори этого, мамочка! Когда ты узнаешь, зачѣмъ розовый

кустъ снизу доверху унизанъ шипами, ты увидишь, что онъ не злой, а очень добрый.

Помнишь, какъ пѣлъ соловей въ майскія ночи, когда мѣсяцъ такъ ярко свѣтилъ, когда розы такъ славно благоухали, а свѣтлячки свѣтились въ травѣ. Пѣсни соловья были такъ жалобны, что порой казались почти рыданіями; тебѣ становилось грустно и ты спрашивала: „Отчего этотъ маленький соловушко такъ печально поетъ?“

Я расскажу тебѣ объ этомъ; вечера теперь долгіе, и времени у насъ вволю.

Давно, очень давно это случилось. Была весна, и къ намъ изъ жаркой страны прилетѣли соловушки. Имъ тамъ стало слишкомъ тепло, и они захотѣли пожить у насъ, гдѣ больше прохлады и тѣни. Соловушки облетѣли всю нашу мѣстность: лѣса, луга и большіе сады позади домовъ, приискивая себѣ такое деревцо или такой кустикъ, на которомъ могли бы свить себѣ гнѣздышко. Всѣ деревья были очень привѣтливы, предлагали имъ свои вѣтви и обѣщали оказать гостепріимный пріютъ. Каждое деревцо хотѣло, чтобъ соловушки поселились на немъ, и тихо шелестѣли листьями, восхищаясь ихъ дивнымъ пѣніемъ.

Одна пара соловушковъ долго и внимательно выбирала себѣ мѣстечко, перелетая съ дерева на дерево, съ куста на кустъ, и, наконецъ, выбрала себѣ розовый кустъ. Кустъ былъ достаточно высокъ и тѣнистъ; на немъ никто не жилъ, кромѣ нѣсколькихъ чистенькихъ и тихихъ золотыхъ жучковъ, а больше всего соловушкамъ нравилось то, что весь кустъ былъ разукрашенъ розами и такъ прекрасно благоухалъ. Шиповъ на немъ тогда еще не было. Его стволъ былъ совсѣмъ гладкъ, такъ что можно было снизу доверху водить по немъ рукой, не боясь оцарапать ее.

Соловушко былъ очень доволенъ своимъ выборомъ. Радуюсь, что у нихъ такое прекрасное уютное мѣстечко, онъ весело заливался ликующими трелями. Розовый кустъ былъ

тоже радъ соловушкамъ и, въ восторгъ распустивъ всѣ бутоны, покрылся за ночь сверху донизу расцвѣтшими прекрасными розами.

Соловухи тотчасъ же принялись строить свое круглое гнѣздышко подъ тѣнистой кровлей свѣтло-зеленыхъ листьевъ; большія блѣдно-красныя розы росли у нихъ передъ самыми окошечками. Скоро они свили себѣ гнѣздышко изъ стебельковъ травы и устлали его мягкимъ пухомъ, а соловуха снесла въ него нѣсколько крошечныхъ яицекъ и стала прилежно высиживать ихъ. Изъ яицекъ вылупились дѣтки, — очаровательные маленькіе, мягкіе птенчики съ черными глазками, сѣрыми растрепанными головками и желтыми клювами. Они постоянно разбѣвали рты и все хотѣли ѣсть.

Счастливые родители съ любовью ухаживали за своими тремя птенчиками, часто кормили ихъ, а соловушка-отецъ пѣлъ имъ самыя восхитительныя колыбельныя пѣсенки. Со всѣхъ сторонъ слетались сосѣднія птицы, садились на ближайшія деревья, слушали эти радостныя пѣсни и въ восторгъ хлопали крыльями такъ же, какъ мы въ такихъ случаяхъ хлопаемъ въ ладоши.

Этотъ розовый кустъ росъ въблизи дома, гдѣ въ подвалѣ жила сѣрая, отвратительная кошка съ зелеными глазами, щетилистыми усами и большими, острыми когтями. Кошка эта была извѣстная воровка и охотница продѣлывать всевозможныя злыя штуки. Она враждовала со всѣми и днемъ поэтому не смѣла показываться, — иначе собаки загрызли бы ее до-смерти, а крестьянки ошпарили бы ее кипяткомъ. Выползала она изъ подвала только ночью.

Злая кошка въ своемъ подвалѣ слышала пѣніе соловухи и злилась, какъ всѣ злые, когда слышатъ или видятъ что-нибудь хорошее. Пискъ мышей, къ которому она прислушивалась, сидя по цѣлымъ часамъ у прогрызенныхъ мышами дыръ, казался ей гораздо пріятнѣе радостныхъ трелей и сла-

достныхъ колыбельныхъ пѣсенъ соловушки. И вотъ она выползла изъ своего темнаго подвала; ползкомъ, скрываясь въ травѣ и въ кустахъ, доползла до того мѣста, съ котораго могла видѣть розовый кустъ, и подняла свои зеленые глаза. Увидѣвъ гнѣздо соловушекъ съ тремя птенцами, она пропиѣла:

— Ахъ! Это шайка прилетѣвшихъ сюда птицъ! Онѣ позволяютъ себѣ шумѣть и горланить, словно онѣ одиѣ на всемъ свѣтѣ. Подождите, я научу васъ будить честныхъ тружениковъ, когда они отдыхаютъ послѣ обѣда,

Изгибая хвостъ дугой направо и налѣво, она обратно проползла въ свой подвалъ и стала дожидаться вечера. Въ сумеркахъ она снова вышла и медленно и неслышно добралась до розоваго куста. Соловушки въ это время, по обыкновенію, только что отлетѣли, чтобъ добыть своимъ птенчикамъ ужинъ изъ мягкихъ гусеницъ и маленькихъ молей, появляющихся послѣ заката солнца. Птенчики оставались тѣмъ временемъ одни, весело щебетали другъ съ другомъ и радовались, что скоро вернется ихъ мать и принесетъ имъ вкусной пищи.

Вдругъ на краю гнѣзда появилась страшная голова съ зелеными, свирѣпыми глазами и ужасными усами. Это была злая кошка. Она какъ настоящая разбойница взобралась по гладкому стволу розоваго куста и напала на бѣдныхъ, беззащитныхъ птенцовъ. Маленькіе, пушистые птенчики были такъ испуганы, что не въ силахъ были даже пропищать о помощи. Ихъ смертельный испугъ продолжался, однако, недолго. Въ одно мгновеніе злая кошка перегрызла горлышки всѣхъ трехъ птенчиковъ, лапой выбросила изъ гнѣзда ихъ теплые трупы

2

и спрыгнула встѣлъ за ними, чтобы съѣсть ихъ у корня розоваго куста.

Нѣсколько воронъ съ сосѣдней липы видѣли это убійство, но оно произошло такъ быстро, что онѣ не могли ему помѣшать. Теперь онѣ съ громкимъ карканьемъ набросились на убійцу и такъ яростно принялись клевать ее, что кошка оставила трупы птенчиковъ и поспѣшила скрыться въ свой подвалъ, гдѣ вороны не могли достать ее.

Тѣмъ временемъ вернулись домой соловушки и протиснули головку подъ листочки, прикрывавшіе ихъ гнѣздышко. Съ отчаяніемъ увидѣли они, что гнѣздышко пусто. Соловушки выпустили изъ рта принесенныхъ червячковъ и молей и стали такъ громко звать своихъ дѣтокъ, что голоса ихъ далеко раздавались въ вечернемъ воздухѣ. Вороны, сочувствуя ихъ горю, прилетѣли къ нимъ и сообщили о постигшемъ ихъ несчастіи. Маленькія сердечки соловушекъ разрывались отъ горя. Они спорхнули къ трупикамъ птенчиковъ, прикрывали ихъ своими крылышками, жалобно стонали и не хотѣли съ ними разстаться, пока маленькіе жуки-могильщики не схоронили ихъ. Это были пышныя похороны. Всѣ муравьи, множество жуковъ и большинство сосѣднихъ птицъ сопровождали грустную процессію. Но это не могло утѣшить несчастныхъ соловушекъ и когда они послѣ похоронъ очутились одни въ опустѣвшемъ гнѣздѣ, то принялись рыдать и спрашивать розовый кустъ:

— Зачѣмъ ты, розовый кустъ, допустилъ это, отчего ты не защитилъ нашихъ птенчиковъ?

Розовый кустъ ничего не отвѣтилъ, но отъ огорченія завяли и осыпались на немъ всѣ розы, и онъ глубоко задумался надъ тѣмъ, какъ бы ему защитить своихъ гостей и будущую ихъ семью. Всю ночь работалъ онъ тихо и прилежно. И вотъ къ разсвѣту розовый кустъ былъ снизу доверху усыпанъ шипами, такими же острыми и загнутыми, какъ когти злой кошки. Обратившись къ безутѣшнымъ соловушкамъ, розовый кустъ нѣжно сказалъ:

— Милые соловушки, не горюйте, снесите снова яички, высидите новыхъ птенчиковъ и не бойтесь: съ ними ничего дурного уже не случится; видите, никакая злая кошка не можетъ теперь напасть на нихъ; мои шипы вполнѣ защитятъ ихъ.

Соловушки не могли выносить одиночества: соловыха снесла снова яйца, высидила ихъ, и когда въ гнѣздѣ появились крохотные кругленькіе птенчики въ пуховой сѣрой одеждѣ, соловушко снова запѣлъ; но это была уже не прежняя пѣснь, не веселыя трели, не ликующія пѣсни радости, а хватающіе за сердце рыдающіе звуки, отъ которыхъ хочется плакать. Соловей все не можетъ забыть своихъ первыхъ птенчиковъ и съ грустью вспоминаетъ о нихъ, хотя новыя птенчики доставляютъ ему много утѣшенія.

Съ тѣхъ поръ у розоваго куста есть шипы, и соловей напѣваетъ свою дивную жалобную пѣснь; но кошка ужъ не можетъ напасть на гнѣздо, когда мать улетаетъ, чтобы добыть своимъ птенчикамъ маленькихъ червячковъ и почныхъ бабочекъ.

3

Прошлогодняя муха.

Ты знаешь, что бываетъ осенью съ мухами? Какъ только начинаются холода, онѣ садятся на окна, не улетаютъ, если ты слегка дотронешься до нихъ пальцемъ, и, наконецъ, ты видишь, что онѣ неподвижно прилипаютъ къ стеклу и умираютъ.

Жила-была большая бурая муха по имени Дзуммъ-Дзуммъ. Въ одинъ теплый лѣтній день, когда окно было открыто, она влетѣла въ кухню и осталась тамъ. Въ кухнѣ было много всякой пищи, и это очень понравилось мухѣ. Въ шкапу всегда были кусочки сахара, а на столѣ остатки молока и кофе, такъ что она всегда могла вволю наѣсться и напиться. Каждый разъ послѣ вкуснаго завтрака Дзуммъ-Дзуммъ аккуратно чистила себѣ мордочку, лапки и крылышки и затѣмъ съ любопытствомъ смотрѣла, какъ кухарка Марья хлопотала у печки, затопляла ее, ставила горшки, солила и приправляла кушанья, мѣшала и снимала пѣну. Дзуммъ - Дзуммъ старалась угадать, чѣмъ ей удастся еще полакомиться. А когда Марья не была въ кухнѣ, Дзуммъ-Дзуммъ болтала со сверч-

комъ, который жить въ щели за печкой и съ которымъ она быстро подружилась. Этотъ сверчокъ быть очень веселый, онъ никогда не уставалъ болтать и трещать, разспрашивать и отвѣчать. У мухи было много и гостей. Какъ только Марья открывала утромъ окно, тотчасъ же влетали цѣлыя кучи мухъ: сестеръ, тетокъ и сосѣдокъ Дзуммъ-Дзуммъ; онѣ здоровались съ Дзуммъ - Дзуммъ и принимались разсказывать ей всякія новости, а она любезно угощала ихъ кофе и пирогами. У нея всего этого было въ изобиліи, и она всегда могла угостить ихъ. Словомъ, жизнь ея была вѣчнымъ пиршествомъ, и время летѣло удивительно быстро, такъ что не успѣла она оглянуться, какъ миновало лѣто и наступила осень.

Дзуммъ-Дзуммъ сперва ничего этого не замѣчала. Ей жилось слишкомъ хорошо. Какое ей было дѣло до того, что теперь каждую ночь были морозы? Въ кухнѣ ей было тепло. Но понемногу и она, однако, начала замѣчать, что на свѣтѣ произошла какая-то перемѣна. Марья все рѣже открывала окно, и родственницы и знакомые не могли уже навѣщать Дзуммъ-Дзуммъ. Если изрѣдка и залетала какая-нибудь пріятельница, то была удивительно вялой и едва дотрогивалась до лакомствъ, которыя ей предлагала Дзуммъ/Дзуммъ, лѣнливо отвѣчала на вопросы о новостяхъ и иногда, къ великому ужасу Дзуммъ - Дзуммъ, внезапно, на полусловѣ, падала и больше не шевелилась.

Дзуммъ-Дзуммъ спрашивала у сверчка, что все это значило, но онъ не отвѣчалъ. И когда Дзуммъ-Дзуммъ подползла къ щели и заглянула въ нее, то увидѣла, что сверчокъ спалъ, растопыривъ свои шесть лапокъ. Онъ спалъ теперь постоянно: съ утра до вечера и съ вечера до утра. Дзуммъ-Дзуммъ не могла себѣ этого объяснить, и ей стало ужасно непріятно. Она выждала, когда Марья вышла изъ кухни, и вылетѣла вслѣдъ за нею, чтобы побывать на воздухѣ и, можетъ-быть, узнать, почему къ ней не являлись ея обычныя посѣтительницы,

почему тѣ немногія мухи, которыя навѣщали ее, были такъ невеселы и слабы, почему онѣ такъ часто заболѣвали и умирали, сидя у нея въ кухнѣ и лакомясь кофе?

На свѣжѣмъ воздухѣ съ Дзуммъ-Дзуммъ едва не приключилась бѣда. Не успѣла она хорошенько замѣтить, что все страшно измѣнилось, какъ холодъ насквозь пронизалъ ее, крылья отяжелѣли, лапы оцѣпенѣли, въ глазахъ потемнѣло, и у нея едва хватило силъ, чтобы сѣсть на чепчикъ Марьи и вмѣстѣ съ ней вернуться домой. Не будь тутъ Марьи, и Дзуммъ-Дзуммъ не удалось бы живой добраться до кухни.

Прошло довольно много времени, прежде чѣмъ Дзуммъ-Дзуммъ окончательно пришла въ себя. Она постепенно начала припоминать все, что ей мелькомъ удалось замѣтить. Какъ ужасно пусто было теперь на дворѣ! Правда, не было тамъ этихъ страшныхъ ласточекъ, которыя постоянно стараются поймать и проглотить бѣдныхъ мухъ, но не было также ни мухъ, ни комаровъ, ни бабочекъ, никого изъ обычныхъ веселыхъ наѣдокъ, цѣлыми роями наполняющихъ воздухъ при теплыхъ лучахъ солнца. На небѣ не было ни одного голубого уголка, солнышко не показывалось, на деревьяхъ не видно было зеленыхъ листьевъ. Всюду одни голыя деревья, сѣрые облака и холодный пронизывающій все тѣло воздухъ. Какое блаженство, что у Дзуммъ-Дзуммъ есть теплая кухня, гдѣ замазанныя окна не пропускаютъ холода, а у печки такъ же тепло, какъ въ самый лучшій лѣтній день! Только не слѣдуетъ слишкомъ близко подлетать къ огню; но Дзуммъ-Дзуммъ была всегда осторожна съ огнемъ.

Она избѣгаетъ очень серьезной опасности. Это было ей ясно. Она радовалась этому и отъ удовольствія потирала переднія лапки. Но Дзуммъ-Дзуммъ была добрая муха. Она думала не о себѣ одной, а и о другихъ своихъ родныхъ и двоюродныхъ сестрахъ, о теткахъ и сосѣдкахъ, пріятельницахъ и знакомыхъ, съ которыми въ веселое время года проводила столько прекрасныхъ часовъ, вмѣстѣ играя, жуужа и летая.

Что-то случилось съ ними? Онѣ, должно-быть, все умерли; вѣдь если бы онѣ были живы, то, навѣрное, то та, то другая навѣстила бы ее. Но никто не прилеталъ къ ней. Это сильно огорчало Дзуммъ-Дзуммъ, и, хотя ей самой было тепло, хорошо, она часто сидѣла тихо гдѣ-нибудь въ уголкѣ и вздыхала по своимъ подругамъ. Она, можетъ-быть, иногда и плакала, но я не могу утверждать этого: вѣдь слезы мухи такъ малы, что ихъ трудно замѣтить.

Дзуммъ-Дзуммъ вдоволь пила и ѣла, ей было тепло и она крѣпко спала; но спала слишкомъ много, такъ что съ каждымъ днемъ становилась все болѣе сонливой и тяжелой, почти совсѣмъ не летала, все больше сидѣла или тихо ползала по стѣнамъ и потолку. Летать ей было трудно. Она удивлялась, что, прежде такая проворная, она теперь стала тяжеловѣсной, но постепенно привыкла и къ этому. Вѣдь ко всему привыкаешь, даже къ одиночеству, хотя къ этому привыкнуть всего труднѣе.

Зима долго тянулась и, несмотря на короткіе дни, у Дзуммъ-Дзуммъ было достаточно времени, чтобъ все обдумать; въ особенности же подумать о томъ, появятся ли когда-нибудь мухи. Вѣдь было бы такъ ужасно скучно—вѣчно оставаться единственной мухой. Жить на свѣтѣ совершенно одной—это хуже смерти. Умрешь и ничего не будешь ни знать ни чувствовать, а при жизни испытываешь и горе и тоску.

Правда, у нея былъ любимый пріятель—сверчокъ. Но онъ все спалъ и спалъ, и ничего нельзя было съ нимъ подѣлать. Проснется ли онъ когда-нибудь? Но если и проснется, то онъ хоть и большой ея пріятель, все же въ сущности чужой и не можетъ замѣнить кровную родню.

Предаваясь этимъ грустнымъ думамъ, Дзуммъ-Дзуммъ чувствовала, какъ что-то давило ея грудь и въ головѣ было тяжело; даже сахаръ, пироги и кофе не казались ей такими вкусными, какъ прежде. Къ чему и богатства, если не съ кѣмъ ихъ дѣлать?